

ОСОБЕННОСТИ ПРЕБЫВАНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР (1945–1956 гг.)

ВИКТОР КАРПОВ

Центральный музей Вооруженных Сил Украины

С момента знакомства двух стран — России и Японии их отношения не стали дружелюбными. В XX веке для достижения своих целей эти страны дважды прибегали к наиболее воинственному способу их разрешения. Война, которая состоялась в августе 1945 г., не уладила их отношений, а наоборот — создала новые проблемы. Одной из них стала проблема пленения и использования японских солдат и офицеров на работах в СССР.

Вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией был решен на Ялтинской конференции. Здесь Сталин заявил о своей готовности через три месяца после окончания войны в Европе начать войну на востоке. Перед отъездом Сталина на Потсдамскую конференцию Япония предложила Советскому Союзу выступить посредником в вопросе о прекращении войны.

Однако Советский Союз резко активизировал свою деятельность в области подготовки войны с Японией. В период марта–мая 1945 г. Государственный комитет обороны СССР (ГКО) принял 14 постановлений, решения которых были направлены на подготовку и приведение в состояние военного времени всех структур Дальнего Востока.

Завершающим в цепи этих постановлений стало совершенно секретное особой важности постановление ГКО за номером 8916сс/ов от 3 июня 1945 г., в котором решался вопрос стратегического развертывания войск на Дальнем Востоке.

Постановлением ГКО, которое именовалось «Вопросы Дальнего Востока», был утвержден перечень войсковых соединений и частей, подлежащих перевозке и включению в состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов и Приморской группы войск. Закончить переброску войск предлагалось к 1 августа 1945 г.

В войне на Дальнем Востоке главной целью являлось прекращение Тихоокеанской войны посредством разгрома Японии объединенными усилиями союзных войск. Эта цель сопровождалась рядом сопутствующих — это послевоенное устройство политической, экономической и общественной жизни Японии и региона в целом.

Политической целью военной кампании Советского Союза против Японии, как определяла советская историография, являлась ликвидация последнего очага второй мировой войны, устранение постоянной угрозы дальневосточным границам СССР, освобождение Манчжурии и Кореи, возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина, Курильских островов и содействие восстановлению всеобщего мира.

Теперь уже известно, что советское командование, планируя достичь основную военно-стратегическую цель кампании в результате проведения одной стратегической наступательной операции, в то же время предусмотрело перенесение боевых действий советских войск на территорию собственно Японии путем организации десантных действий в метрополии.

Можно утвердительно сказать, что уже после того как японские войска в Манчжурии начали вести переговоры о капитуляции и сдаче оружия войска 1-го Дальневосточного фронта получили задачу двумя стрелковыми дивизиями оккупировать северную часть острова Хоккайдо. По «категоричному требованию США эти дивизии уже в ходе их переброски на Хоккайдо были повернуты и высажены на Южном Сахалине и частью сил на южных островах Курильской гряды. Именно это решение США, изменение американской политики в отношении союзного управления Японией после войны стало определяющим при принятии решения советским руководством в деле судеб японской армии.

Во всей войне можно выделить два главных процесса. Первый — это боевые действия, которые преобладали в период с начала войны и до 18 августа.

В это время Красная армия взяла в плен 41 199 человек и уничтожила 8674 солдат и офицеров японской армии. В дальнейшем с 19 августа по 23 августа боевые действия утихают. Однако Красная армия продолжает занимать заранее спланированные зоны оккупации, что сопровождалось отдельными стычками.

Второй процесс — это стремление Японии к быстрейшему прекращению военных действий. Уже на второй день войны император заявил о готовности принять условия Потсдамской декларации, а 14 августа своим рескриптом объявил о капитуляции японских войск. 18 августа японские войска получили приказ, в котором говорилось о том, что военнослужащие и гражданские лица, прикомандированные к армии, попадая под контроль войск противника после обнародования императорского рескрипта, не будут считаться военнопленными. Сдача оружия и другие действия, направленные на выполнение директив противника, сообщенных через японское командование, не будут считаться капитуляцией. Поэтому при опросах японские солдаты и офицеры всегда заявляли, что они не являются военнопленными и оружие сложили

не в знак капитуляции, а прекратили военные действия по приказу императора. Это является одной из особенностей пленения японской армии.

«Военнопленные японо-манчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут. Лагеря военнопленных необходимо организовать по возможности в местах разоружения японских войск. Лагеря организовать распоряжением командующих фронтов, выделив для их охраны и конвоирования военнопленных необходимое количество войск. Питание военнопленных производить применительно к нормам, существующим в японской армии, находящейся в Манчжурии, за счет местных ресурсов», — указания Берии были в точности повторены и развиты в распоряжении командующего 1-м Дальневосточным фронтом № 00100 от 17 августа 1945 г.

К 18 августа 1945 г. японская и советская стороны завершили разработку организационных мер по проведению капитуляции и приступили к практической их реализации.

Прием пленных в основном был завершен к 10 сентября на всех фронтах. К декабрю 1945 г. было учтено 641 253 человека, в то время как на 7 ноября этого же года военнопленных насчитывалось 640 094 человека. По состоянию на 15 февраля 1946 г. было учтено 650 194 военнопленных, а по данным штаба тыла Красной армии на 29 декабря 1945 г. — 656 871 военнопленный. Это свидетельствует об отсутствии четкости в системе учета военнопленных, что может говорить о приблизительности числа взятых в плен.

Если вернуться к вопросу о пленении, то можно сказать, что Красная армия непосредственно в ходе боевых действий захватила в плен 41 199 человек и пленила после прекращения боевых действий 600 тыс. солдат и офицеров японской армии. Советская сторона особых различий в положении солдат и офицеров японской армии не делала и считала их военнопленными.

Особо важным документом в истории вопроса о сибирском интернировании японской армии является постановление Государственного комитета обороны СССР от 23 августа 1945 г. № 9898сс «О приеме, размещении и трудовом использовании 500 000 военнопленных японской армии».

В соответствии с постановлением Действующая армия в лице военных советов 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов, совместно с представителями Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР во фронтах должна была отобрать «до 500 000 военнопленных японской армии». Так как в японской армии служили и корейцы, то постановление четко указывало на необходимость отобрать именно японцев «из числа физически годных для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири».

Предполагалось организовать из военнопленных, перед отправкой их в СССР, строительные батальоны по 1 тыс. человек в каждом. Во главе батальонов и рот было приказано ставить младших офицеров или унтер-офицеров и в первую очередь командный состав инженерных войск.

География «расселения» военнопленных весьма обширна. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, Приморский, Хабаровский, Красноярский, Алтайский края, Читинская и Иркутская области, Бурят-Монгольская АССР, Казахская ССР, Узбекская ССР, позже Грузинская ССР и Украинская ССР.

В программе использования труда пленных японских солдат и офицеров было задействовано 15 наркоматов.

Если рассмотреть направленность использования военнопленных, то можно увидеть, что наибольшее их количество было задействовано на добыче сырья. Особенно много пленных было занято на добыче угля, немногим меньше — на лесозаготовках и на добыче различных руд. В общей сложности на добыче сырья было занято 198 тыс. военнопленных.

Следующее направление — это строительство новых заводов, портов и военно-морских баз. В этой области было занято 69 тыс. человек. Еще одно из направлений — военное. В общей сложности здесь было занято 88 тыс. человек, из них прямо на военные нужды работали 40 тыс. пленных. Это строительство казарм, работа на военных заводах, строительство новых военных заводов и объектов. И совершенно особое направление — развитие транспортной инфраструктуры. Кроме БАМа на различных железных дорогах работало еще 27 тыс. человек.

Общая направленность в первую очередь на Дальний Восток очевидна. Все же это первый стратегический эшелон обороны на востоке. В нем было занято 340 тыс. человек, вместе с теми кто строил БАМ. Во втором стратегическом эшелоне, охватывающем Иркутскую область, Красноярский и Алтайский края, а также Бурятию было занято 100 тыс. человек. Укрепление Дальнего Востока предусматривалось не только экономическое, но и военное — пятая часть от всего количества пленных была занята в этой сфере.

Руководствуясь требованиями постановления ГКО 4 сентября 1945 г., после приказа о формировании строительных батальонов из числа военнопленных, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский отдает приказ фронтам и Тихоокеанскому флоту о немедленной отправке сформированных батальонов в тыловые лагеря НКВД СССР. В общей сложности армия запланировала к отправке на территорию СССР 531 тыс. человек. Военнопленные, которые находились на Квантунском полуострове, оставались там и использовались на работах фронта.

К декабрю 1945 г. основная масса солдат и офицеров японской армии была вывезена в лагеря НКВД СССР. Всего же по состоянию на 15 февраля 1946 г. советскими войсками было вывезено в тыловые лагеря НКВД СССР 539 335 человек, 23 762 солдат и офицеров японской армии возвращены на родину и «убыло по разным причинам». Еще 82 097 человек находились в лагерях для военнопленных на территории Манчжурии, на Ляодунском полуострове, временно отошедшем к СССР по договору с Китаем, и в Северной Корее и стали фактически резервом для замены погибших в первую зиму пленных.

Для проведения политической работы с военнопленными в дальневосточных военных округах создавались специальные отделы по работе среди военнопленных.

Первое общение политорганов с пленными показало, что японская армия — это не деморализованная солдатская масса, сознание которой легко можно было бы изменить. Скорее наоборот, армия осталась как по структуре, так и по ее национальным воинским традициям динамическим, остро реагирующим на попытки советского политического проникновения организмом, целостность которого определяется воинским укладом, выработанным многовековой японской историей.

Проведение массовых политических опросов пленных дало возможность советским офицерам сделать некоторые выводы. Первый опрос показал политическую незрелость большинства опрошенных. Определив антиамериканскую направленность пленных, они вместе с тем подчеркивали, что «значительная часть солдат настроена враждебно против СССР». То, что это не находило своего подтверждения в анкетах, политработники объясняли чувством страха пленных перед репрессиями при установлении фамилии автора анкеты. Проанализировав многочисленные протокольные записи допросов и анкеты опросов японских солдат и офицеров, можно отметить, что весь генеральский и офицерский состав, за незначительным исключением, и большинство солдат остались на своих старых позициях. Они не признавали факта поражения Японии в войне и объясняли свое разоружение только тем, что выполняли приказ императора, которому армия обязана была беспрекословно повиноваться. Исходя из этого, большинство пленных не считало себя такими, а лишь интернированными. И это также является отличительной чертой вопроса пленения японской армии.

Опираясь на результаты проведенных опросов, органы специальной пропаганды делают окончательный вывод: «японские самураи разоружены материально, но не духовно. Армия живет старыми империалистическими идеями и большая часть армии отдана этим старым идеям». Они также отмечают, что «большая часть пленённой солдатской массы политически неграмотна и стоит в стороне политической жизни».

Отсюда они делают немного неожиданный вывод — «перед нами открывается широкое поле деятельности для пропаганды всепобеждающих идей. Плоды умело поставленной пропаганды не заставят себя долго ждать и сторицею окупят нашу работу».

Результатом начального периода развертывания политической кампании было то, что «политработники руками самых же военнопленных из числа прогрессивно настроенных элементов начали политико-воспитательную работу среди основной массы военнопленных японцев». Однако недостаточное количество знатоков японского языка среди офицеров-пропагандистов, отсутствие систематической, последовательной и целенаправленной постоянной работы не позволяли достичь высокой результативности пропаганды.

Для усиления пропаганды была создана газета для японских военнопленных «Нихон Симбун». В обращении к военнопленным, опубликованном в мае 1946 г., политработники призывали членов созданных кружков друзей газеты «Нихон симбун» широко развернуть просветительскую деятельность в лагерях для популяризации демократических идей и вместе с тем бороться с любыми проявлениями милитаристской идеологии и подступами реакционных элементов.

Одновременно был инициирован процесс расслоения всей массы военнопленных, суть которого состояла в обособлении рядовых солдат от офицеров, ликвидации традиционных воинских порядков и установлении «демократической дисциплины». Такое движение называлось борьбой «демократично настроенных элементов в лагерях с офицерами-реакционерами».

Направленность пропаганды понимали и японские офицеры. Они стремились сохранить среди солдат «милитаристическую идеологию», то есть верность воинской присяге, высокий уровень воинской дисциплины, пользуясь советским высказыванием тех лет, — их рабскую покорность офицерам, как это было в японской армии до ее капитуляции».

Японских военнопленных чрезвычайно поразило решение советского правительства, принятое в конце 1946 г., об их репатриации. С началом репатриации стало ясно, что для политработников открывается еще одно направление деятельности — политическое обеспечение всей репатриационной кампании и включение ее в систему политического давления на пленных. В связи с этим в повестке дня стал вопрос о радикальном усилении политической работы среди военнопленных.

Во многом положение советского общества и японских военнопленных было похожим — те и те находились в замкнутой среде, свободный поток информации отсутствовал, новости отмерялись идеологической ложкой цензуры, не допускалась ни одна возможность проявления

собственной мысли. Если же она возникала, то сразу преследовалась, подавлялась, а ее носители подлежали репрессиям.

Репрессии были составной частью внутренней политики советского государства. Большой частью они имели характер превентивного террора и были средством поддержания в обществе всеобщего страха и «революционной» бдительности. Система репрессивных мер распространила свое действие и на лагеря японских военнопленных. Фильтрация пленных на предмет поиска военных преступников проводилась с самых первых дней плена. По настоянию политорганов, репрессии по политическим мотивам начали применяться с 1947 г. как эффективное средство борьбы с сопротивлением пленных, в первую очередь офицеров, проводимой политической индокринации.

Во всех режимных лагерях к последнему дню плена находилось около 10 тыс. военнопленных, на которых было собрано «достаточное» количество компрометирующих материалов и которые ожидали суда военного трибунала. Для более чем 7 тыс. военнопленных особой категории август 1950-го оказался счастливым — собранные на них материалы были недостаточно компрометирующими. Остальных «реакционеров» осудил военный трибунал МВД СССР.

Вследствие политической работы, после массивной идеологической обработки в течение всего периода пребывания в плену, а также созданной обстановки политического и морального террора, многие военнопленные поддались советской пропаганде и поверили в истинность своих новых убеждений, в их политическом сознании состоялся, по мнению политработников, решительный перелом.

Процесс политической индокринации — это собственно процесс, который отражает противостояние японских национальных идеалов, чувств и традиций искусственно насаждаемым идеям советской демократии, марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Проблема возвращения военнопленных в Японию возникла сразу же по окончании войны и вывоза их на территорию СССР. Это объяснялось настойчивостью США, которые требовали соблюдения Потсдамских договоренностей и скорого возвращения пленных в Японию, а также тяжёлым положением в лагерях и высокой смертностью пленных зимой 1945–1946 гг.

Несомненно, для советского правительства было также важной задачей налаживание новых отношений с Японией. Исходя из этого, советское правительство 4 октября 1946 г. приняло постановление «О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц».

Осуществление репатриации из СССР японских военнопленных было возложено не на МВД СССР, а на Уполномоченного Совета министров

СССР по делам репатриации. Управление Уполномоченного должно было осуществлять сбор, учет, размещение и содержание в лагерях репатриации японских солдат и офицеров, которые отправлялись на родину. Эта работа должна была проводиться вместе с военными советами Дальневосточного, Приморского, Забайкало-Амурского, Восточносибирского военных округов и начальником тыла Вооруженных сил СССР. Выполнение этой задачи было возложено также еще на восемь министерств. С целью координации действий министерств с центром и лагерями в округах создавались отделы репатриации.

Основную роль в осуществлении процесса репатриации играли транзитные лагеря, где военнопленные проходили подготовку к отправке на родину и, соответственно, режим и охрана в этих лагерях не были подобны режиму содержания в лагерях МВД. На территории СССР это был лагерь в районе порта Маока (ныне Холмск) на Сахалине и лагерь в районе порта Находка в Приморском крае.

Советская администрация за короткий период репатриации 1946 г. сумела создать систему ее работы, а также выработать политику ее осуществления, которую надлежало реализовать в последующие годы. Тем не менее дальнейшая репатриация японских военнопленных в 1947 г. была фактически приостановлена. Главной причиной этого была необходимость использования японцев в качестве рабочей силы. К началу репатриации военнопленные японцы были задействованы почти во всех экономических структурах Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии. И изъятие их из народного хозяйства могло иметь отрицательные последствия для экономики указанных регионов. Например, репатриация японцев, занятых в рыбной промышленности на Курильских островах и Сахалине, угрожала остановкой этих предприятий на 1–2 года.

Одновременно с репатриацией японских военнопленных с территории Советского Союза, в 1947 г. была осуществлена репатриация японских солдат и офицеров из районов Северной Кореи и Ляодунского полуострова. В этих, контролируемых СССР районах, кроме военнопленных японцев находилось и японское гражданское население. Советское правительство стремилось в первую очередь репатриировать японцев именно из этих районов, чтобы подольше задержать тех военнопленных, которые работали на разных предприятиях на территории СССР. Репатриационная кампания из этих районов была непродолжительной и была закончена до 1 апреля 1947 г. В итоге было репатриировано 245 480 человек, из них 210 621 гражданских лиц и 34 859 военнопленных.

Период 1948–1949 гг. можно назвать периодом массовой репатриации. Репатриация в 1950 г. преследовала цель окончательного определения судьбы военнопленных, которые оставались в лагерях для того, чтобы с окончанием репатриации там не осталось ни одного пленного,

«кроме осужденных и разоблаченных следственными материалами в воинских преступлениях, которые совершили преступления против китайского народа».

Окончательная проверка пленных МВД СССР была закончена в августе 1950 г. После этого в СССР остались лишь «осужденные» и те, что были обвинены в преступлениях и ожидали решения суда. Всего в 1950 г. было отправлено в Японию 5584 военнопленных.

Таким образом, репатриация военнопленных и интернированных японских граждан, а также гражданского населения была закончена. Продолжалась она почти четыре года. Тем не менее еще шесть лет после этого длился период возвращения домой осужденных военнослужащих японской армии.

В октябре 1956 г., в результате переговоров на высшем уровне в Москве, была достигнута договоренность о нормализации отношений между СССР и Японией. Одна из статей Декларации предусматривала согласие Советского Союза освободить и репатриировать на родину всех японских граждан, осужденных как военных преступников. Подводя итог урегулированию этой проблемы, президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1956 г. подписал указ, которым, предлагалось освободить из мест заключения всех осужденных японских граждан и разрешить всем уволенным из мест заключения японским гражданам возвратиться на родину. Последние 1040 японских граждан 24 декабря 1956 г. были репатриированы.

Таким образом, внешнеполитические и внутренние обстоятельства побудили советское правительство в 1946–1956 гг., в течение 10 лет, осуществлять репатриацию в Японию военнопленных. В итоге было возвращено на родину 514591 японских солдат и офицеров. Продолжительный срок репатриации был обусловлен как военно-политическим, так и экономическим и идеологическим фактором. Репатриация японских военнопленных стала важной предпосылкой для нормализации отношений между СССР и Японией. Особенностью репатриации военнопленных японцев есть то, что она проводилась одновременно с репатриацией японского гражданского населения.

Проблема плена многогранна и не раз была предметом межгосударственных переговоров. Наибольшую остроту приобрел вопрос о количестве погибших за время плена японских граждан. Советская сторона не стремилась к открытости в этом вопросе и долгое время манипулировала цифрами, удовлетворяя нужды своей дипломатии. Любые попытки вывезти, передать или получить информацию об умерших в плену солдатах и офицерах японской армии пресекались советской стороной. Стремление скрыть подлинные данные на умерших было очевидным.

В 1956 г. по требованию японской стороны СССР представил списки на 3 тыс. умерших. Однако, вскоре после того как Япония подписала

с США договор о безопасности, сезон откровений закончился. Советская сторона не желала раскрывать в полном объеме информацию об этой проблеме и скрывала истинные масштабы потерь в лагерях.

В ходе подготовки визита Горбачева в Японию в открытой печати началась полемика о количестве погибших, которая закончилась официальным сообщением о том, что в советском плену умерло 62 098 японских солдат и офицеров, что в общем-то верно.

Однако установить точную цифру погибших военнопленных затруднительно, так как по мере восстановления их трудоспособности решением военного командования Приморского военного округа пленных вновь ввозили в СССР для работ в военных округах без внесения изменений в учетные данные.

Сопоставив многочисленные данные, можно установить, что во время плена в советских лагерях погибло 92 153 человека. На территории Советского Союза умерло 60 770 человек и на территориях, контролируемых СССР, умерло 31 383 человека.

Смертность японских военнопленных в советском плену имела место через болезни, отсутствие достаточного количества продовольствия, соответствующего японскому рациону, трудные климатические и бытовые условия, непосильную физическую работу. Вместе с тем, следует отметить, что советское руководство уделяло много внимания вопросу поддержания элементарных условий жизни и работы этих людей.

На основе анализа имеющейся историографии, значительного массива архивных документов можно утвердительно сказать, что история пленения японских солдат и офицеров Советским Союзом является важной страницей в истории Второй мировой войны, и всестороннее изучение этого вопроса еще не приобрело соответствующего ему значения в военно-исторической науке.

Можно сделать вывод относительно действий Советского Союза, нарушения им Потсдамской декларации, чем стало интернирование и отправку японских военнопленных (которые добровольно сложили оружие, рассчитывая на обещанное немедленное возвращение домой) на принудительные работы в СССР, как ответ Сталина на изменение внешнеполитической обстановки, что выразилось в отказе Трумэна в высадке советских войск на японский остров Хоккайдо и изменении роли СССР в послевоенном обустройстве Японии.

Главной целью ввоза Советским Союзом японских военнопленных на свою территорию было то, что их предполагалось использовать в качестве рабочей силы, которая должна была восполнить нехватку рабочих рук, порожденную потерями в войне и сокращением численности заключенных в системе ГУЛАГа, для восстановления подорванной войной экономики. Подразумевалось также, что труд японских военнопленных

должен был в какой-то мере компенсировать ущерб, нанесенный Японией СССР в годы войны. К тому же Советский Союз отказался от выдвижения Японии требований выплаты репараций, учитывая тяжелое положение, в котором она оказалась после войны.

Суть идеологического фактора определяется проведением политики советизации. По взглядам советского руководства, обработанные в течение нескольких лет в политическом и психологическом плане военнопленные были призваны стать пропагандистами советского строя в Японии и составить костяк левых сил.

Находясь в плену, японские военнопленные использовались в разных областях народного хозяйства и их взнос в экономику страны был значительный. Тем не менее важной задачей советского руководства была политическая обработка японских солдат и офицеров, воспитание их в духе коммунистической идеологии, привитие ценностей советского образа жизни, формирование из числа пленников стойких антифашистов, способных после возвращения в Японию вести борьбу за демократические преобразования и искоренение остатков милитаризма.

Традиции обращения с военнопленными, задачи экономического восстановления СССР и стремление советского руководства играть первую скрипку в мировых делах и, конкретизируя, влиять на судьбу послевоенной Японии стали основой для принятия решения о вывозе японских солдат и офицеров в СССР для работ в Сибири и на Дальнем Востоке.